
Отдельные примеры трудностей, с которыми встречается при анализе древних текстов их исследователь, преодолеваются как углубленным внутренним анализом текстов, так и привлечением материала тюркских и других языков и использованием этимологической методики. Обогащая наши представления о составе тюркизмов русского языка на разных этапах его развития, этимологические экскурсы позволяют объяснить ряд не вполне ясных мест в памятниках письменности и демонстрируют плодотворность филологических комментариев для исторических документов. Наличие большого числа еще не вполне обследованных документов и литературных памятников дает надежду, что число тюркизмов еще будет в дальнейшем увеличено, и тюркологи должны сказать здесь свое слово.

Разработанный здесь филологическими методами языковой материал в зависимости от степени подробности и точности этого анализа может давать почву как для ошибочных выводов, так и для выводов точных, причем в последнем случае анализ должен быть многоаспектным, с помощью чего можно добиться устранения противоречий в анализе всех сторон одного факта или эти противоречия исторически объяснить.

Н. К. Голейзовский

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАССИАНА УЧЕМСКОГО ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Насколько мне известно, никем и никогда не оспаривалось мнение, что князь Константин Макнувский (по другим версиям — Манкувский, Мавнукский или Мангупский), грек, прибывший в Москву осенью 1472 года в свите невесты Ивана III Зои Палеолог, с 1481 года сделавшийся боярином ростовского архиепископа (с 22 июля 1481 по 6 сентября 1488 года) Иоасафа Оболенского, а затем неожиданно постригшийся под именем Кассиана и основавший собственную обитель близ Углича, в вотчине князя Андрея Васильевича Большого (княжил с 27 марта 1462 по 20 сентября 1491 года), приехал в Ферапонтов монастырь — место будущего своего пострижения — с Иоасафом, когда тот оставил святительство и «сниде в келию на обещание свое»¹.

Между тем, вопрос о времени прибытия Константина в Ферапонтов нуждается в пересмотре. Отречение Иоасафа, датировавшееся большинством исследователей 1489 годом, в действительности произошло в 1488 — в июне 6996 или осенью 6997 года²; согласно позднему источнику — 6 сентября³. Но главное: утверждению составителя Жития Кассиана о прибытии его героя в Ферапонтов монастырь *после* отставки Иоасафа противоречит множество взаимосвязанных обстоятельств, о которых упоминается как в самом Житии Кассиана, так и в других источниках, не зависящих друг от друга.

---

¹ РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 70 об. (список XVIII в.); ср. текст, опубликованный по двум спискам XVII в. — Ярославские епархиальные ведомости (далее — ЯЕВ). Ярославль, 1873. № 14. Часть неофициальная (далее — ЧН). С. 114.

² ПСРЛ. Т. XXVIII, М., Л., 1963. С. 154: «в Петрово говенье» — то есть до 29 июня 6996 г. Отреченная грамота Иоасафа относится к началу 6997 г. (современный список в сб. РГБ. Ф. 178. № 3271. Л. 17 об.—18). Об оставлении Иоасафом архиепископии большинство летописей молчит, другие упоминают под 6997 годом без указания месяца (напр., ПСРЛ. Т. XXIV. Пгр., 1921. С. 237. ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 220). Но в *феврале* 6997 (1489) Иоасаф уже находился в Ферапонтове, куда ему писал новгородский архиепископ Геннадий (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М., Л., 1955. Прил. № 16. С. 320). Значит, «на покой» Иоасаф отправился раньше — между сентябрем и декабрем предшествующего 1488 г., и для правильного пересчета этой даты следовало из 6997 вычесть не 5508, а 5509.

³ Ростовская летопись (РНБ. Собр. Титова. № 2768, 3494). Титов А. А. Летописец о ростовских архиереях. СПб., 1890. Прим. С. 16 (№ 36).

Например, основанная Кассианом поблизости от Углича монастырская Успенская церковь с приделом Рождества Иоанна Предтечи была, согласно уцелевшим монастырским документам, освящена задолго до ухода Иоасафа с ростовской кафедры — в 6992 году⁴, то есть либо в 1484 году летом (до 31 августа. Успение отмечалось 15 августа, а потому наиболее вероятно, что освятили храм 14 или 15 августа 1484 года), либо, что менее правдоподобно, между сентябрем и декабрем 1483 года.

Из Жития Кассиана известно, что среди построенных им храмов церковь эта была *вторая* по счету (хотя в Летописце Кассиановой пустыни она справедливо именуется «первоначальной» — в *этой* обители она была возведена раньше других): первую, основанную им на другом месте, смыло годом раньше — весной 1483 года — во время половодья⁵, а это значит, что построена она была летом предыдущего, 1482 года и что, следовательно, Кассиан покинул Ферапонтов монастырь и прибыл в Углич не в 1489, а в начале лета 1482 года⁶.

Такая дата косвенно подтверждается и другими источниками. Например, в пространной редакции Жития Паисия Угличского отмечено, что 1 октября 6991—1482 года Кассиан вместе с игуменом своей обители Гавриилом присутствовал при освящении Покровского собора Угличского Паисиева монастыря⁷. А в Житии Кассиана можно прочитать, что еще до постройки им первого Успенского храма, то есть в начале лета 1482 года, Кассиан крестил младшего сына князя Андрея — Дмитрия, «и восприемник бысть ему от святых купели»⁸. Можно ли доверять этим сведениям, и когда в действительности родились сыновья угличского князя?

Как известно, после ареста князя Андрея Васильевича 20 сентября 1491 года оба его сына по приказанию Ивана III были схвачены в Угличе и отправлены в пожизненное заточение в Переславль Залесский⁹. Спустя полвека, 20 или 21 декабря 1540 года от имени десятилетнего Ивана IV по

⁴ Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 328 (опись 1764 г.). РГБ. Ф. 299, № 234 Л. 112 (монастырская летопись). Встречающаяся здесь и в некоторых других угличских письменных источниках (Житие Паисия, Угличский летописец) загадочная подмена имени опального архиепископа Иоасафа, «ожестившего» своим уходом великого князя Ивана III (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения. С. 317), именами других, лояльных московским властям ростовских владык — Трифона (с 1462—1467) или Тихона (с 1489—1503), скорее всего, не анахронизм, а сознательная фальсификация ради защиты обителей от произвола приезжих чиновников; прикрытие, которое, кстати, могло пригодиться угличанам только в первой половине XVI в.

⁵ РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 75 об.—77. Ср. ЯЕВ. С. 115—116. Л. 112.

⁶ Согласно Угличскому летописцу — 24 июня, на Рождество Иоанна Предтечи; этому празднику был посвящен придел в новопостроенном храме (РГБ. Ф. 178. № 931. Л. 59. Ср. по изд.: ЯЕВ. 1894. № 11. ЧН. Стб. 163). Но год прибытия указан здесь неверно (что вообще характерно для сбивчивой хронологии этого позднего компилятивного свода): вместо 1477 (1477—е лето) в первоисточнике должно было значиться лето 1482-е, то есть 6990, или 1482 г. Вероятно, именно эта ошибка ввела в заблуждение К. М. Ярославского, датировавшего 1477 г. рождение сына князя Андрея — Дмитрия (К. М. Ярославский. Свящ. Князь Угличские // ЯЕВ. 1892. № 45. ЧН. Стб. 707).

⁷ ЯЕВ. 1873. № 17. ЧН. С. 137—138. В помещенном здесь любопытном перечне присутствовавших на этом освящении, заимствованном составителем Жития из какого-то древнего, но, по-видимому, частично утраченного и поврежденного позднейшими дополнениями источника, упомянуты игумены: Макарий Колязинский, Георгий Архангельский, Никита Богоявленский, Гавриил Угличский, Герасим Богословский; архимандриты: Алексеевский Нифонт, Воскресенский Иона; отмечено еще, что из Ростова прибыли три архимандрита, четыре игумена, протопоп и архиепископ (то есть Иоасаф Оболенский), что присутствовали также угличский князь Андрей Васильевич с княгиней Еленой «и с малыми чады своими, благоверными же князи Димитрием и Иоанном», а также «боляре его вси и протопоп соборный Преображенский и Константиновский, и второй протопоп Успенский, третий Благовещенский». В аналогичном тексте пространной редакции Жития Паисия из так называемого Сурминского сборника 1872 г. в число присутствовавших добавлен «Бела озера Ферапонтова монастыря преподобный игумен Мартиниан» (РФ УИХМ. № 6358. Л. 96), что представляется сомнительным, поскольку Мартиниан, скончавшийся 12 января 1483 г., во-первых, в 1482 г. был не игуменом, а строителем, во-вторых, согласно его Житию, не мог тогда самостоятельно передвигаться, его носил на руках «старости ради многы и недуг на соборныя пения» инок Галактион (Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993. С. 274).

⁸ РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 75 об. ЯЕВ. 1873, № 14. ЧН. С. 115. Впрочем, Житие Паисия приписывает эту миссию, а также крещение первого сына Андрея Васильевича, Ивана (которое сомнений не вызывает) — Паисию (ЯЕВ. 1873. № 17. ЧН. С. 137), а Угличский летописец — обоим вместе (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 248).

⁹ В архиве Посольского приказа, согласно его описи 1626 г., хранились «тетрати сторожевые княж Ондреевых детей, [...] как они сидели в тюрьме в Переславле скованы» под наблюдением переславских наместников Василия III — князей М. В. Шуйского и В. М. Заболоцкого за период с 27 мая 1508 по 8 мая 1514 г., а также «наказная память, как стеречи княж

ходатайству его крестного отца митрополита Иоасафа Скрипицына и бояр оставшийся еще в живых Дмитрий Андреевич получил свободу. По этому поводу один из современников, любознательный составитель Постниковского летописца, записал: «Того же дни велел князь великий в Переславле из тюрьмы ис тына выпустити княж Андреева сына углицкого князя Дмитрея. А сидел поиман 49 лет и 4 месяцы, а поиман 7 лет. И жил в Переславле на том же своем дворе в тыне. А дети боярские у него на бреженье и стряпчие всякие были ему даны, и ключники, и сытники, и повары, и конюхи великого князя. И платья ему посылал князь великий с Москвы, и запас всякой был у него сушильной и погребной сполна, чего бы похотел. И ездити было ему по посадом по церквам молитися вольно, куды хотел. И пожил немного и там преставися¹⁰, а у великого князя на Москве не бывал. И положиша его у Дмитрея у Прилуцкого на Вологде, где лежит брат его князь Иван, а во иноцех Игнатей»¹¹.

Князь Иван, старший¹² сын Андрея Васильевича Угличского, больше известный как святой Игнатий Прилуцкий¹³, проведя «в темнице и во юзах окованных тридесять и два лета»¹⁴, скончался 19 мая 1523 года¹⁵. В Житии Игнатия сообщается, что «крестиша его святым крещением в Великих Луках»¹⁶. В этом городе семейство князя Андрея находилось во время совместного с Борисом Волоцким выступления против Ивана III с апреля по сентябрь 1480 года. Таким образом, Иван Андреевич родился весной или летом 1480 года, возможно, 23 июня¹⁷ (и в этом случае патрональным

Одреевых детей и над приставы смотрити» и наказные памяти им и приставам — «Петру Башмакову с товарищи») (ДДГ. С. 471. Ср. также в описи 1614 г. — «Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года» / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 47 об.). Если составитель описи 1627 года признается, что не знает, о каком князе Андрее идет речь в названных документах, то составитель описи 1614 г. уверен, что говорится о детях «Одреевых [...] Ивановича уделного». Но это ошибка: Андрей Иванович Старицкий (1490—1537) сохранял добрые отношения с Василием III и был схвачен лишь после его смерти, в 1537 г.

¹⁰ Согласно Угличскому летописцу Дмитрий скончался 23 июня 7032 (1524) г. (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 80 об.). Год здесь указан, конечно, неверно. Можно предположить, что в первоисточнике вместо ~~341~~ значилось ~~340~~, (7049=1541). Кстати, именно такую дату смерти Дмитрия — 23 июня 1541 г. — уверенно называет (без ссылки на источник) К. М. Ярославский в исследовании об угличских князьях. Ср.: ЯЕВ. 1892. № 45. ЧН. Стб. 707. Если Дмитрий Андреевич просидел в Переславле действительно 49 лет и 4 месяца, то скончался он в конце января или начале февраля 1541 г. Однако составитель Пискаревского летописца поместил известие о смерти Дмитрия под 7052 (1543 или 1544) годом (ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 180: «Лета 7052-го преставися князь Дмитрей Андреевич углицкой, внук великого князя Василья Васильевича, в Переславле штидесяти лет, а сиде в железех в тыну 54 лета. И привезоша тело его на Вологду и погребоша у Спаса на Прилуке, идеже положен брат его князь Иван Андреевич, во мнишеском чину Игнатей, его же Бог прослави угодника своего чудесь»). Повидимому, переписчик снова не разобрался с буквенной цифирью, и вместо требующихся ~~340~~ и ~~40~~, на этот раз появились ошибочные ~~341~~ и ~~41~~. Во всяком случае князь Дмитрий умер до 16 декабря 1544 г., когда Иван IV отправил в заточение на освободившееся после его смерти в Переславле место князя Ивана Ивановича Кубенского с женой — «и посадиша его на княже Андреевских детей Углицкого дворе, где они сидели» (ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904. С. 146).

¹¹ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 26. Кратко об освобождении Дмитрия упомянуто в Никоновской летописи (под 21 декабря — ПСРЛ. Т. XII, первая половина. С. 135), Летописце начала царства (ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 39) и Пискаревском летописце (ПСРЛ. Т. XXXIV С. 178).

¹² Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 12. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих [...], которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 1. С. 23.

¹³ Канонизацию Игнатия относят к XVI в. (Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 153). Между тем, заслуживает внимания уточняющее утверждение составителя Угличского летописца о том, что Игнатий был причтен к лику святых Макарьевским собором 1551 г. по представлению ростовского архиепископа Никандра (1549—1566), и что тогда же последовало указание внести имя Игнатия в Синодик, установить ежегодное празднование и писать его изображение на иконах для поклонения (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 80).

¹⁴ РГБ. Ф. 37. № 37. Л. 79 об. Ср.: ЯЕВ. 1873. № 28. ЧН. С. 234.

¹⁵ ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 198. ПСРЛ, Т. XXX. М., 1965. С. 202. Ср.: Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901 (далее — ПМВ). Т. II. С. 149. В некоторых источниках вместо 7031 г. указывается 7030—1522 (напр.: ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 161. ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 195, 196. РГБ. Ф. 37. № 37. Л. 81 об.). Ср.: К. М. Ярославский, свящ. Князья Угличские. — ЯЕВ. 1892. № 45. ЧН. Стб. 707. См. также: ЯЕВ. 1864. № 5. ЧН. С. 136. ЯЕВ. 1873. № 28, ЧН. С. 224, 228.

¹⁶ ЯЕВ. 1873. № 28. ЧН. С. 223. РГБ. Ф. 37. № 37. Л. 76 об.

¹⁷ Предлагаемая мною дата совпадает с 6988 г., указанным в Угличском летописце (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 75 об. ЯЕВ. 1894. № 16. ЧН. Стб. 248). Память Ивана-Игнатия отмечалась, помимо дня его смерти 19 мая, согласно рукописным службам XVI в., 23 июня (ПМВ. Т. II. С. 149, 190), а также — по сгоревшим ростовским святцам конца XVII в., если верить выпискам из них Н. А. Кайдалова (ПМВ. Т. II. С. 149, 222. Ср. Т. I. С. 357), — 23 июля и 29 января, что, на мой взгляд, менее правдоподобно и, скорее всего, явилось результатом ошибки переписчика.

святым его стал, несомненно, Иоанн Предтеча, чье Рождество отмечалось церковью на следующий день; по такому поводу и придел в основанном Кассианом храме мог быть посвящен именно этому святому). Не исключено, однако, что Иван Андреевич появился на свет в мае, и тогда патрональным святым его мог стать Иоанн Богослов, память которого 8 мая ежегодно отмечалась в Прилуцком монастыре особым празднованием¹⁸.

Что касается его младшего брата — Дмитрия, то, если поверить составителю Постниковского летописца, будто при аресте в сентябре 1491 года юному князю было 7 лет, родиться он должен был в сентябре—декабре 1484¹⁹ или в январе—августе 1485 года; если же принять утверждение Пискаревского летописца, что Дмитрий был схвачен «четырех лет»²⁰, то — в сентябре—декабре 1487 или в январе—августе 1488 года. Но, отдав предпочтение любому из предложенных вариантов, придется допустить, что Дмитрий Андреевич появился на свет после смерти своей матери, Елены Романовны Мезецкой, скончавшейся, по единогласному свидетельству летописцев, 2 апреля 1483 года²¹.

Остается вернуться к высказанному мною ранее предположению, что в действительности Дмитрий родился в 1482 году, вскоре после прибытия в Угличское княжество Кассиана. Указания же Постниковского и Пискаревского летописцев о семи или четырехлетнем возрасте Дмитрия во время ареста можно объяснить неточностью устной информации или ошибкой при переписке с неразборчивых оригиналов. Вместо цифры 7 (з) в первом случае и 4 (□) — во втором в первоисточнике должно было значиться либо 9 (Ϡ) лет, если Дмитрий появился на свет в сентябре 1482 (6991) года, что маловероятно (напомню: год начинался 1 сентября, а 1 октября 1482 года малолетний князь, согласно Житию Паисия Угличского, уже присутствовал на освящении собора Покровского монастыря), либо 10 (ї) лет, если он появился на свет между 1 января и 31 августа 1482 (6990) года²², и это лучше совмещается с известием о крещении его только что приехавшим Кассианом.

Как бы то ни было, проведенное сопоставление дошедших до нас письменных источников, несмотря на обнаружившиеся хронологические противоречия, позволяет ввести в научный оборот несколько достаточно твердо обоснованных дат, существенных не только для биографии преп. Кассиана, но и для изучения творчества Дионисия, в частности для вычисления мест, где могли находиться его работы, для уточнения истории Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Среди этих дат — постройка первой деревянной Успенской церкви Учемской пустыни (лето 1482), освящение Покровского собора угличского Покровского монастыря (1 октября 1482), возведение и освящение второго деревянного Успенского собора Учемского монастыря (август 1484). Наконец, появилось веское основание отодвинуть пострижение Константина-Кассиана к 6990 (1481 или 1482) году.

Полученные выводы решительно расходятся с утверждением составителя Жития Кассиана о прибытии князя Константина в Ферапонтов монастырь *после* ухода Иоасафа с архиепископской кафедры²³. Между тем, утверждение это ничем не подкрепляется и не заслуживает доверия уже потому, что противоречит подробностям, сохранившимся в помещенном далее рассказе о видении Константина,

¹⁸ Согласно сводному уставу начала XVII в. (ГИМ. Син. № 534. Л. 426–428), в Прилуцком монастыре в то время ежегодно праздновали 1 августа (Всемиловый Спас), 8 мая (Иоанн Богослов) и 3 июня (Сретение образа св. Дмитрия Прилуцкого).

¹⁹ Такая дата предложена А. А. Зиминим (Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 164).

²⁰ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 199.

²¹ ПСРЛ. Т. XXV. М., Л., 1949. С. 330. ПСРЛ. Т. XXVII. М., Л., 1962. С. 285. ПСРЛ. Т. VI. СПб, 1853. С. 36. Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 124. ПСРЛ. Т. XII. С. 214.

²² 11 сентября отмечалась память мученика Дмитрия (ПМВ. Т. II. С. 279), 11 февраля — св. Дмитрия Прилуцкого (Там же. С. 41), 9 августа — мученика Дмитрия Цареградского (Там же. С. 241). Сам благоверный князь Димитрий Андреевич занесен в некоторые списки святцев как святой — напр., в выписках Н. А. Кайдалова под 19 июля (Ср.: ПМВ. Т. II. Прил. 3. С. 556). О Житии Дмитрия, будто бы, по утверждению М. Д. Каган, составленном в Спасском Прилуцком монастыре иноком Логгином (СККДР. XVII в. Ч. 1. С. 365), мне неизвестно.

²³ См. выше, прим. 1.

добросовестно (если не дословно, как требовалось при воспроизведении свидетельских показаний о чуде) записанном составителем Жития со слов современников, слышавших об этом от самого Кассиана²⁴.

В этом фрагменте рассказывается о «Божием некоем откровении», толкнувшем Константина на монашеский постриг. Отдыхая после утомительной всенощной в отведенной ему келии, Константин погрузился в «сон тонок» и увидел ферапонтовскую церковь Рождества Богородицы, но не деревянную, существовавшую тогда, небольшую по размерам, а «каменну, велию (великую. — Н. Г.), украшену, и монахов в ней множество предстоящих, и среди церкви престол превознесен», на котором восседал «бывший игумен» преподобный Мартиниан и, угрожая Константину жезлом, приказывал ему постричься. Потрясенный видением, Константин, проснувшись, потерял дар речи, а потом со слезами поведал о случившемся архиепископу Иоасафу, «и за нозе архиепископа держашеся», долго умолял постричь себя, после чего «призвав же архиепископ игумена и повеле его облещи во аг[ел]ский образ»²⁵.

Здесь необходимо остановиться и обратить внимание на то, что если Иоасаф уже не обладал саном архиепископа, он не имел права приказывать игумену монастыря. В связи с этим уместно также заметить, что на протяжении всего рассказа владыка Иоасаф выступает как действующий полномочный архиепископ и ни разу не назван «бывшим». Осведомленный информатор составителя Жития твердо помнил, что чудо с Константином произошло *задолго до отставки архиепископа Иоасафа*.

О том, что Иоасаф действительно посещал Ферапонтов монастырь до отставки, вскоре после своего назначения архиепископом (22 июля 1481), свидетельствует рассказ Жития Мартиниана о пожаре, случившемся в обители еще при жизни святого, скончавшегося, как уже отмечалось, 12 января 1483 года. На пожаре присутствовал Иоасаф, которого составитель Жития в контексте этого эпизода называет «*бывши* владыка Ростовския земля» (то есть, «*пребывавший архиепископом Ростовской земли*»)²⁶.

²⁴ Составитель ссылается на учеников Кассиана и ферапонтовского старца Силуяна (РГБ. Ф. 299, № 234, л. 82. ЯЕВ. 1873. № 14. ЧН. С. 117). Старец Силуян упоминается в ферапонтовских документах 1526 г. (Архив П. М. Строева. Т. I. Русская историческая библиотека. Т. XXXII. Пгр., 1915. С. 183–186). Нет никаких оснований сомневаться, вслед за М. Д. Каган (СККДР. XVII в. Ч. I. С. 362), в исторической реальности этих современников Кассиана, скончавшегося, по видимому, 4 октября 1503 г. (иногда указывают 2 октября. Ср.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 359). Впрочем, точная дата смерти остается пока неизвестной. В некоторых списках Жития утверждается: «преставление же его празднуют месяца октовриа в 4 день, на память святого священномученика Иерофея, епископа Афинскаго» (РГБ. Ф. 299, № 234, л. 81. ЯЕВ. 1873. № 14, ЧН. С. 117. Память Иерофея — 4 октября. Ср.: ПМВ. Т. II. С. 307), а в Угличском летописце кончина Кассиана отнесена к 7017 (1508) г. (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 66. ЯЕВ. 1894. № 13. Стб. 194). Разночтения возникли по вине переписчиков, путавших числа □ (2) и □ (4), а также годы ꙗꙗ□□ (7012) и ꙗꙗꙗ□ (7017). Кроме того, большинство исследователей из-за небрежности при пересчете дат вместо 1503 г. указывало 1504, а вместо 1508 г. — 1509.

²⁵ РГБ. Ф. 299, № 234, л. 71 об.—72. ЯЕВ. 1873. № 14. ЧН. С. 113. Основываясь на том, что видение Константина «весьма реалистичное», В. В. Дергачев в статье «Родословие Дионисия Иконника» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник (далее — ПКНО). 1988. М., 1989. С. 216) утверждает, что Константину приснился не будущий, а реально существующий каменный Рождественский собор, который, следовательно, был построен не в 1490, а — соответственно дате предшествующего дошедшего до нас антиминса — в 1465 г. (Там же. С. 214). Между тем, такая датировка уже предлагалась ранее, но приведенные в ее пользу аргументы были убедительно опровергнуты (Романов К. К. Антиминсы XV—XVII в. собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре // Известия Комитета изучения древнерусской живописи. Пб., 1921. Вып. 1. С. 38–43; ср. также: Подъяпольский С. С. Архитектура Рождественского собора Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. М.; Ферапонтово, 1999. Вып. 5. С. 167–168). О том, что каменного храма в начале 1480-х г. еще не было, свидетельствует, вопреки интерпретации В. В. Дергачева, именно «реалистичность» описания архитектуры. Ведь если бы церковь 1490 г. во время беседы с архиепископом уже существовала, Константину не пришлось бы убеждать зрячего Иоасафа в том, что она каменная, значительная по размерам и «украшенная». Немотивированным оказалось бы и само наименование видения Константина «откровением», то есть открытием будущего, недоступного пока чувственному зрению (ср.: Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. 13. М., 1987. С. 251). Надуманность предложенного В. В. Дергачевым истолкования усугубляется еще и тем, что *живому* Мартиниану для того, чтобы приказать Константину постричься, не требовалось являться ему во сне.

²⁶ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 274. В русском переводе этого фрагмента на с. 275 допущена ошибка. Ср. в том же Житии на с. 284 — в рассказе о преставлении Иоасафа архиепископ назван уже «*бывшим*». Это разные грамматические формы. См.: Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. 1. М., 1975. С. 363: *бывши* — I, 2 (причастие) и *бывшии* — II (прилагательное).

святым его стал, несомненно, Иоанн Предтеча, чье Рождество отмечалось церковью на следующий день; по такому поводу и придел в основанном Кассианом храме мог быть посвящен именно этому святому). Не исключено, однако, что Иван Андреевич появился на свет в мае, и тогда патрональным святым его мог стать Иоанн Богослов, память которого 8 мая ежегодно отмечалась в Прилуцком монастыре особым празднованием¹⁸.

Что касается его младшего брата — Дмитрия, то, если поверить составителю Постниковского летописца, будто при аресте в сентябре 1491 года юному князю было 7 лет, родиться он должен был в сентябре—декабре 1484¹⁹ или в январе—августе 1485 года; если же принять утверждение Пискаревского летописца, что Дмитрий был схвачен «четырех лет»²⁰, то — в сентябре—декабре 1487 или в январе—августе 1488 года. Но, отдав предпочтение любому из предложенных вариантов, придется допустить, что Дмитрий Андреевич появился на свет после смерти своей матери, Елены Романовны Мезецкой, скончавшейся, по единогласному свидетельству летописцев, 2 апреля 1483 года²¹.

Остается вернуться к высказанному мною ранее предположению, что в действительности Дмитрий родился в 1482 году, вскоре после прибытия в Угличское княжество Кассиана. Указания же Постниковского и Пискаревского летописцев о семи или четырехлетнем возрасте Дмитрия во время ареста можно объяснить неточностью устной информации или ошибкой при переписке с неразборчивых оригиналов. Вместо цифры 7 (з) в первом случае и 4 (□) — во втором в первоисточнике должно было значиться либо 9 (Ϡ) лет, если Дмитрий появился на свет в сентябре 1482 (6991) года, что маловероятно (напомню: год начинался 1 сентября, а 1 октября 1482 года малолетний князь, согласно Житию Паисия Угличского, уже присутствовал на освящении собора Покровского монастыря), либо 10 (ї) лет, если он появился на свет между 1 января и 31 августа 1482 (6990) года²², и это лучше совмещается с известием о крещении его только что приехавшим Кассианом.

Как бы то ни было, проведенное сопоставление дошедших до нас письменных источников, несмотря на обнаружившиеся хронологические противоречия, позволяет ввести в научный оборот несколько достаточно твердо обоснованных дат, существенных не только для биографии преп. Кассиана, но и для изучения творчества Дионисия, в частности для вычисления мест, где могли находиться его работы, для уточнения истории Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Среди этих дат — постройка первой деревянной Успенской церкви Учемской пустыни (лето 1482), освящение Покровского собора угличского Покровского монастыря (1 октября 1482), возведение и освящение второго деревянного Успенского собора Учемского монастыря (август 1484). Наконец, появилось веское основание отодвинуть пострижение Константина-Кассиана к 6990 (1481 или 1482) году.

Полученные выводы решительно расходятся с утверждением составителя Жития Кассиана о прибытии князя Константина в Ферапонтов монастырь *после* ухода Иоасафа с архиепископской кафедры²³. Между тем, утверждение это ничем не подкрепляется и не заслуживает доверия уже потому, что противоречит подробностям, сохранившимся в помещенном далее рассказе о видении Константина,

¹⁸ Согласно сводному уставу начала XVII в. (ГИМ. Син. № 534. Л. 426–428), в Прилуцком монастыре в то время ежегодно праздновали 1 августа (Всемиловый Спас), 8 мая (Иоанн Богослов) и 3 июня (Сретение образа св. Дмитрия Прилуцкого).

¹⁹ Такая дата предложена А. А. Зиминим (Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 164).

²⁰ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 199.

²¹ ПСРЛ. Т. XXV. М., Л., 1949. С. 330. ПСРЛ. Т. XXVII. М., Л., 1962. С. 285. ПСРЛ. Т. VI. СПб, 1853. С. 36. Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 124. ПСРЛ. Т. XII. С. 214.

²² 11 сентября отмечалась память мученика Дмитрия (ПМВ. Т. II. С. 279), 11 февраля — св. Дмитрия Прилуцкого (Там же. С. 41), 9 августа — мученика Дмитрия Цареградского (Там же. С. 241). Сам благоверный князь Димитрий Андреевич занесен в некоторые списки святцев как святой — напр., в выписках Н. А. Кайдалова под 19 июля (Ср.: ПМВ. Т. II. Прил. 3. С. 556). О Житии Дмитрия, будто бы, по утверждению М. Д. Каган, составленном в Спасском Прилуцком монастыре иноком Логгином (СККДР. XVII в. Ч. 1. С. 365), мне неизвестно.

²³ См. выше, прим. 1.

Мартиниан считался главным вдохновителем возвращения Василия Темного на великокняжеский престол. Запечатленное в Житии Мартиниана решительное обращение этого ферапонтовского игумена к Василию с приказанием выступить против Дмитрия Шемяки («повелевает ему идти против супостата»)³⁴ эмоционально перекликалось с вложенным предприимчивым редактором Жития Кассиана в уста Мартиниану настойчивым требованием «постригись», обращенным к охваченному сомнениями Константину. Однако такая литературная рокировка в Житии Кассиана, похоже, смутила даже выдавших виды «экспертов» из макарьевских соборов, прекрасно осведомленных в подробностях недавней истории, и послужила, вероятно, главной причиной отказа от канонизации Кассиана Угличского в середине XVI века.

В глазах опасливых церковных иерархов грозненских времен образованный византийский аристократ Константин, отказавшийся от предложенных ему московским самодержцем «градов, весей и сел»³⁵ и сделавшийся простым монахом, чтобы освободиться от подчинения великому князю и стать духовным советником его врага, должен был выглядеть не менее одиозной фигурой, чем Савва Сторожевский³⁶. Проведя в ближайшем окружении Ивана III около десяти лет и досыта насмотревшись на грубый произвол и беззаконие, которые этот достойный предок Ивана Грозного позволял себе даже по отношению к собственным братьям, Константин, выбрав благоприятный момент всеобщего примирения после победы над татарами, под предлогом неожиданного религиозного порыва добился у Ивана III освобождения от занимаемой должности и был отпущен им в бояре к только что рукоположенному ростовскому владыке Иоасафу.

Между тем, тайная мысль обрести полную независимость от московского самодержца и провести оставшуюся жизнь под защитой друга и единомышленника, — мечта, которая одна в состоянии объяснить дальнейшее развитие событий, — оставалась для Константина неосуществимой. Новоиспеченный боярин архиепископа знал, что Иван III не считается с правом перехода. Гарантию относительной свободы от светской власти предоставлял только уход от мира.

Вероятно, решение Константина принять постриг, действительно, далось ему тяжело и окончательно созрело во время пребывания в Ферапонтове. Однако трудно поверить, что состоявшийся через несколько месяцев неожиданный переезд инока Кассиана с группой ферапонтовских монахов в Угличское княжество, участие в крещении княжича Дмитрия Андреевича и основание Учемской обители могли произойти без предварительной договоренности между князем Андреем, Кассианом и архиепископом Иоасафом.

Такой поворот событий необходимо предполагал также существование давней дружеской связи между Константином и Андреем. Познакомиться они имели возможность еще осенью 1472 года на свадьбе великого князя. Общность интересов и убеждений, сходство характеров могли породить взаимную симпатию. Князь Константин, несомненно, сочувствовал Андрею Васильевичу в его борьбе с противозаконными выходками московского самодержца.

Приняв монашество, Кассиан открыто перешел под покровительство угличского князя и сделался одним из ближайших его советников и любимцев, четко обозначив свою принадлежность к непримиримой оппозиции Ивану III. При этом он предусмотрительно отказался стать игуменом основанной им обители, чтобы, выйдя из непосредственного служебного подчинения ростовскому архиепископу, избавить Иоасафа от юридической ответственности за свои поступки.

Все эти обстоятельства объясняют, почему спустя более полувека, когда род князя Андрея пресекся и даже память о жестокой расправе, учиненной над ним и его сыновьями дедом Ивана Грозного, утратила остроту и не представляла никакой опасности для царской власти, канонизация

³⁴ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 256–257.

³⁵ РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 70. ЯЕВ. 1873. № 14. С. 113.

³⁶ Ср.: Голейзовский Н. К. О времени кончины и местной канонизации преподобного Саввы Сторожевского // ПКНО. 1998. М., 1999. С. 9–15.

угличского отшельника не состоялась: бдительные церковные чиновники видели в Кассиане принципиального противника московского самодержавия. Попытка представить инициатором его пострижения лояльного властям Мартиниана, вероятно, только подлила масла в огонь.

В отличие от Мартиниана, основатель Ферапонтова монастыря Ферапонт не проявлял никаких симпатий к Москве и связал свою деятельность с удельным можайским князем Андреем Дмитриевичем (1382—1432), сын которого сделался не только злейшим противником, но и инициатором ослепления прадеда Ивана Грозного — великого князя Василия Васильевича. По просьбе Андрея Дмитриевича Ферапонт основал под Можайском знаменитый впоследствии Лужецкий монастырь с соборным храмом, посвященным, как в Ферапонтове, Рождеству Богородицы. В 1523—1526 годах игуменом здесь был будущий митрополит Макарий.

С 1481 по 1491 год Можайск принадлежал князю Андрею Угличскому³⁷, который едва ли способен был оставить без внимания и заботы обе основанные Ферапонтом обители, тем более, что день памяти Ферапонта (умер 27 мая 1426 года и похоронен в можайском Лужецком монастыре) загадочным образом совпадал с днем свадьбы князя Андрея и княгини Елены (27 мая 1470 года³⁸). Учитывая свойственный образованным деятелям русского средневековья интерес к историческим прообразам и символическим параллелям, можно с большой долей вероятности предположить, что незамеченным это обстоятельство не осталось.

Несмотря на отсутствие прямых документальных свидетельств, есть основания думать, что в 80-е годы XV в. угличский князь, уделявший самое пристальное внимание местным святым, затевал канонизацию Ферапонта, — надо полагать, не без консультаций с Кассианом и архиепископом Иоасафом. На это указывает несомненная причастность князя Андрея к организации строительства каменного Рождественского собора Ферапонтова монастыря (1490), в архитектурном убранстве которого встречаются те же декоративные элементы, которые использовались при украшении фронтонов княжеского дворца в Угличе.

---

³⁷ Иван III дал Андрею Можайск осенью 1480 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 328). Документальное подтверждение пожалования — докончальная грамота от 2 февраля 1481 г. (ДДГ. № 72. С. 253, 258, 264). При составлении черновика этого документа использовался текст предшествующего докончания от 14 сентября 1473 г., куда писец вместо Можайска сначала вписал, а затем вычеркнул Калугу.

³⁸ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 188. ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 229. ПСРЛ. Т. XXIII. С. 121, 290. ПСРЛ. Т. VI. С. 190; и др. В некоторых летописях ошибочно под 1469 (6977) — например, ПСРЛ. Т. XXV. С. 283. Свадьба происходила в Неделю Слепого, которая приходилась на 27 мая в 1470 г.